

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 74
1908.

ГОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Послѣ грѣхопаденія не дожидайся обличеній, а самъ напередъ осуди свой грѣхъ.—Грѣшникъ понесетъ наказаніе, если останется безъ исправленія.—Свв. угодники—стражи земли русской. *Свящ. А. Поліевхтова.*—Сила Божія и немощь человѣческая. Свидѣтельство живой вѣры. (Изъ келейной монашеской сокровищницы). IV. Замѣчательное сновидѣніе: Изъ рукописи монаха Арсенія). *Сергѣя Нилуса.*—„Въ монастырской трапезной“. *Псал. Клавдія Булыгина.*—„Анна грѣшная“. *Протоіеря А. П.*—Изъ переписки съ нашими читателями.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПОСЛѢ ГРѢХОПАДЕНІЯ НЕ ДОЖИДАЙСЯ ОБЛИЧЕНІЙ, А САМЪ НАПЕРЕДЪ ОСУДИ СВОЙ ГРѢХЪ.

Когда ты согрѣшишь, не жди обличенія со стороны другого, но прежде чѣмъ обличенъ, самъ осуди свой поступокъ, потому что если другой обличить тебя, твое исправленіе является добрымъ дѣломъ не твоего исповѣданія, а обличенія другого. Исповѣдаться значитъ не то, чтобы осудить себя, послѣ обличеній, а то, чтобы самому осудить себя, не ожидая обличеній со стороны другихъ. Такъ, на примѣръ, Петръ послѣ тяжкаго своего отреченія, такъ какъ тотчасъ же созналъ свой грѣхъ, и безъ всякаго обличителя исповѣдалъ свое прегрѣшеніе и горько заплакалъ, такъ смылъ съ себя это отреченіе, что сдѣлался даже первымъ среди апостоловъ, которому ввѣрена была вся вселенная. Если іерей получилъ власть отпускать грѣхи противъ Бога, то гораздо болѣе можетъ снять и изгладить грѣхи, совершенные противъ человѣка. Священные законы самую царскую главу подчинили рукѣ іерея, и когда бываетъ нужно какое либо благо свыше, обычно обращается царь къ іерею, а не іерей къ царю. Богъ для того не ангеловъ низвелъ съ неба и сдѣлалъ учителями человѣческаго рода, чтобы они, вслѣдствіе превосходства своей природы и невѣдѣнія человѣческой немощи не дѣлали намъ слишкомъ суровыхъ прещеній, но далъ въ качествѣ учителей и іереевъ смертныхъ людей, людей, подверженныхъ немощи, чтобы самое то обстоятельство, что и говорящій и слушающіе подлежатъ одинаковой отвѣтственности, служило уздой для языка говорящаго, не позволяя ему дѣлать обличенія свержъ мѣры. Для чего же я это сказалъ? Для того, чтобы вы не говорили, что ты-де, будучи чистъ отъ грѣховъ и свободенъ отъ скорби, бывающей послѣ обличенія, съ великой силой наносишь намъ слишкомъ тяжкое сѣченіе. Я первый чувствую скорбь, потому что и самъ повиненъ въ грѣхахъ. У тѣхъ, кто лѣчитъ тѣла, бываетъ такъ, что наносящій сѣченіе самъ нисколько его не

чувствуетъ, а раздрается отъ болѣй одинъ только тотъ, кому производится сѣченіе; у врачующихъ же души дѣло обстоитъ не такъ, если только я не ошибаюсь, судя по себѣ о другихъ,—а самъ говорящій первый испытываетъ боль, когда порицаетъ другихъ. По истинѣ, не такъ чувствуемъ мы скорбь, будучи обличаемы другими, какъ обличая другихъ за грѣхи, въ которыхъ повинны сами.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста.)

ГРѢШНИКЪ ПОНЕСЕТЪ НАКАЗАНИЕ, ЕСЛИ ОСТАНЕТСЯ БЕЗЪ ИСПРАВЛЕНІЯ.

Ты говоришь, что не знаешь грѣховъ. Но согласимо ли это съ здравымъ смысломъ? Если относительно чужихъ грѣховъ ты и законы пишешь, и наказаніе опредѣляешь, и являешься строгимъ судіей, то какое же оправданіе можешь ты имѣть въ своихъ собственныхъ грѣхахъ, говоря, что ты не знаешь, что нужно дѣлать. И слушай, что говоритъ Павелъ: „помышляеши ли сіе, о человѣче, судяй зло творящимъ, и творя (самъ) таяже, яко ты избѣжиши суда Божія“ (Римл. 2, 3). Своего суда не избѣжалъ ты, и избѣжишь суда Божія? Мыслимо ли это? Не одно, вѣдь, и тоже—просто ли согрѣшить, или наказавъ другаго за грѣхъ, впадать опять въ тотъ же самый грѣхъ. Если ты наказываешь согрѣшившаго меньшіе грѣхи, хотя долженъ самъ стыдиться, то какъ же Богъ не осудитъ и не накажетъ тѣмъ болѣе тебя, совершившаго болѣе тяжкіе грѣхи и осужденнаго уже собственною своею совѣстью,—Богъ, Которому при томъ же не за что стыдиться? Если же ты скажешь, что знаешь, что достоинъ наказанія, но не придаешь этому никакого значенія въ виду долготерпѣнія Божія, и остаешься спокойнымъ въ виду того, что не подвергаешься тотчасъ же

наказанію, то наоборотъ поэтому то тебѣ и слѣдовало бы бояться и трепетать. Изъ того обстоятельства, что ты не потерпѣлъ наказанія слѣдуетъ не то, что ты потерпишь наказаніе, а то что потерпишь болѣе тяжкое, если останешься безъ исправленія.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста—изъ слова „о грѣхъ и исповѣди“.)

СВВ. УГОДНИКИ—СТРАЖИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

Природа падшаго человѣка полна противорѣчій. Добро и зло, стремленіе къ вѣчности и безсмертію и пристрастіе къ тлѣннымъ вещамъ и земной юдоли такъ сочетались въ человѣкѣ, что отдѣлить одно отъ другого почти невозможно.

„Ибо знаю, говоритъ апостоль языкъ, что не живетъ во мнѣ, то есть въ плоти моей доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое котораго не хочу, дѣлаю. Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“? (Римл. VII, 18—24).

Темная, непробудная ночь царила надъ человѣчествомъ до явленія во плоти Бога Слова.

Лишь изрѣдка тьма прорѣзалась огненными зарницами вѣщаній св. пророковъ. „Всѣ, по слову царепорока Давида, совратились съ пути, до одного негодны, нѣтъ дѣлающаго добра, нѣтъ ни одного. Гортань ихъ открытый гробъ; языкомъ своимъ обманываютъ; ядъ аспидовъ на губахъ ихъ. Уста ихъ полны злословія и горечи. Ноги ихъ быстры на пролитіе крови; разрушеніе и пагуба на путяхъ ихъ; они не знаютъ пути мира. Нѣтъ страха Божія предъ глазами ихъ“ (Римл. III, 12—18).

Тяжелая, гнетущая сердце картина!

Но вотъ осіялъ насъ Востокъ свыше.

Надъ головами человѣчества забрежилъ евангельскій день, высоко поднялось Солнце Правды, Христось Богъ нашъ. При благодатномъ озареніи свыше ветхозавѣтное человѣчество увидѣло ту пропасть, у которой оно стояло. Мошнымъ порывомъ оно отпрянуло на путь свѣта и жизни. Въ различныхъ мѣстахъ небосклона возжглись отъ великаго Свѣтила различной славы звѣзды—св. угодники Божіи, служащія путеводными маяками для

своихъ братій, находящихся въ земной юдоли. Отнынѣ не только виденъ путь къ небу и возможно достиженіе его, но духовными очами созерцаются святые Божіи человѣки, достигшіе уготованныхъ обителей въ царствѣ Отца небеснаго (Іоан. XIV, 2).

Благодареніе Богу! Не мало такихъ звѣздъ сіяетъ и на небосклонѣ Русской Церкви, а посреди всѣхъ ихъ выдѣляется созвѣздіе св. учениковъ и сподвижниковъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, устроителя монастырскаго общежитія на Руси. Среди сонма благодатныхъ послѣдователей преп. Радонежскаго игумена не послѣднее мѣсто занимаетъ молитвенникъ города Тотмы и сѣвернаго края, преп. Ѳеодосій.

Было тяжелое время на Руси, когда, раздѣленная на множество враждующихъ другъ съ другомъ удѣловъ, наша родина подпала подъ власть татаръ. Воля нашихъ предковъ ослабѣла и одно имя татарина наводило трепеть. Нужно было сплотить во едино разрозненное, необходимо было вдохнуть духъ бодрости въ сердца побѣжденныхъ, перевоспитать ихъ на основахъ евангельской любви и самоотреченія. Эта задача была выполнена тихимъ и смиреннымъ Радонежскимъ игуменомъ, преп. Сергіемъ. Онъ благословилъ великаго князя Дмитрія Донскаго на борьбу съ невѣрными и предсказалъ побѣду, онъ въ своей обители воспиталъ новыхъ людей,—самоотверженныхъ служителей Церкви и родины и примѣромъ благодатнаго общежитія въ Троицкой обители указалъ соотечественникамъ выходъ изъ години бѣдствій. Ученики преподобнаго, всюду основывая монастыри, сплывали вокругъ него русскихъ людей и стягивали къ общей руководительницѣ Троицко-Сергіевской обители и средоточному городу Россіи—Москвѣ. Великая Троицко-Сергіевская Лавра съ объединенными ею обителями сплотила Русь въ одно неразрывное цѣлое, проникнутое стремленіемъ къ вѣчности, связанное народнымъ самосознаніемъ. И позднѣе въ години лихолѣтья Троице-Сергіевская Лавра и обители, основанныя учениками преп. Сергія, являлись несокрушимымъ оплотомъ лучшихъ русскихъ чаяній. Онѣ были сердцемъ Россіи, отогрѣвшимъ разчлененный государственный организмъ въ 1612 году. И каждый разъ, какъ тучи сгущаются на горизонтѣ, какъ родинѣ грозитъ опасность новыхъ вѣяній, противорѣчащихъ ея народнымъ завѣтамъ и устоямъ, монастыри учениковъ преп. Сергія възгрѣваютъ холодящія русскія души. Къ нимъ продолжаютъ стекаться со всѣхъ сторонъ тысячи жаждущихъ получить слово утѣшенія, наставленія. Изъ ихъ среды выходятъ неподкупные служители Церкви и благу и величію Россіи.

Было время, когда Русь, напутствуемая благословеніемъ преп. Сергія, встала какъ одинъ человѣкъ на борьбу съ невѣрными,

когда, идя побѣдоносно, сокрушила на своемъ пути татарскія царства и какъ стягъ побѣды водрузила свят. крестъ на кремляхъ вновь присоединенныхъ городовъ. Было время, когда Троице-Сергіева Лавра и отечественныя святыни сплотили вокругъ Москвы даже отдаленныя окраины, когда хрістіанская вѣра была источникомъ воды текущей въ животь вѣчный, когда великоруссъ былъ носителемъ и миссіонеромъ Православія, когда къ общей духовно-политической жизни онъ притягивалъ и отдаленныя края. Народъ живъ, пока жива душа его. Сохранена народность, если бьется сердце ея, хотя бы оконечности и охолодѣли. Здоровое сердце въ состояніи возродить мертвѣющія конечности и сдѣлать ихъ участниками жизни всего организма.

Тяжелая година пережитыхъ и переживаемыхъ нашимъ отечествомъ бѣдствій возлагаетъ на насъ нравственную обязанность вспомнить завѣты нашихъ предковъ, для возстановленія потускнѣвшихъ преданныхъ предками высокихъ стремленій возвратитъ наши взоры къ обители преп. Сергія и его учениковъ. Идетъ великое дѣло строенія земли Русской. Не должны ли мы, помня евангельскую притчу о постройкѣ дома, строить благополучіе нашей родины на крѣпкомъ камени вѣры православной?

Безвѣріе, себялюбіе къ несчастію сдѣлали большія завоеванія въ мірѣ, все смѣлѣе и смѣлѣе становятся безумныя попытки найти счастье на землѣ безъ источника счастья—Спасителя міра. Все болѣе и болѣе мечтаютъ народы о какомъ то всеобщемъ царствѣ, гдѣ нѣтъ ни богатства, ни бѣдности, ни неба, ни вѣры. Въ грозномъ вооруженіи народовъ слышится отзвукъ грядущихъ войнъ и междоусобій.

Вѣра творитъ чудеса. Она и человѣка спасаетъ, возводя его изъ земной юдоли въ небесныя обители, она, возжегшись въ сердцахъ нашемъ, привлекаетъ къ себѣ ищущихъ обновленія. Пусть въ пріискреннемъ сердечномъ воплѣ нашемъ „живъ Господь Богъ нашъ“—слышится: „жива душа наша“.

Священникъ А. Полевковъ.

СИЛА БОЖІЯ И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО ЖИВОЙ ВѢРЫ.

(Изъ келейной монашеской сокровищницы).

IV.

Замѣчательное сновидѣніе.

(Изъ рукописи монаха Арсенія).

2-го Октября въ 2^{1/2} часа пополудни 1850 года въ Предтеченскомъ Скиту Оптиной Пустыни скончался іеромонахъ Никонъ.

Нѣсколько дней спустя по исполненіи шести недѣль, а, именно, 18 Ноября, въ день воскресный, послѣ утрени, новопосвященный іеромонахъ Варсонофій, готовясь служить раннюю Литургію, прочелъ правило ко Святому Причащенію и отъ усталости, въ ожиданіи звона къ обѣднѣ, присѣлъ на стулъ и тотчасъ заснулъ. И показалось ему во снѣ, что онъ видитъ въ какомъ-то незнакомомъ ему мѣстѣ многочисленное собраніе скитской и монастырской братіи и среди нихъ, къ удивленію его, сидитъ умершій іеромонахъ Никонъ. И думаетъ во снѣ Варсонофій: какъ онъ здѣсь? вѣдь онъ умеръ! И съ такими мыслями Варсонофій обратился къ братіи и сказалъ:

— „Смотрите—это отецъ Никонъ!“

И братія будто тоже увидѣла въ своей средѣ почившаго іеромонаха. Въ какой онъ былъ одеждѣ, этого Варсонофій не замѣтилъ, но видѣлъ, что на головѣ его была камилавка, но безъ клобука, какъ обыкновенно носятъ служащіе іеромонахи и іеродіаконы во время служенія. На рукахъ Никона, обернушагося лицомъ къ востоку, лежалъ младенецъ, и Никонъ вслухъ поминалъ нѣкоторыя имена и, когда, помянувъ нѣсколько именъ, произнесъ имя: Никонъ!—то младенецъ, до того времени молчавшій, сказалъ ему:

— „Я—Никонъ!“

И эти слова младенца пробудили въ Варсонофіѣ желаніе узнать о его загробной участи, и онъ спросилъ младенца:

— „Гдѣ же ты теперь находишься?“

— „Въ раю!“—отвѣтилъ младенецъ: „между святыми“.

Варсонофій спросилъ опять:

— „А каковъ рай?“

Младенецъ, хотя общими и краткими выраженіями, но сильно восхвалилъ красоту рая. Какими словами онъ былъ описанъ.

этого Варсонофій упомнить не могъ, но впечатлѣніе осталось у него такое, что рай неизобразимо прекрасенъ. Вспомнивъ о мытарствахъ, онъ спросилъ младенца:

— „А по мытарствамъ тебя водили?“

Младенецъ, какъ бы вспоминая что-то очень тяжкое, отвѣтилъ протяжно:

— „Ужъ водили, водили! водили, водили!“

И видомъ своимъ, и произношеніемъ этихъ словъ младенецъ выразилъ, что онъ прошелъ мытарства съ тяжелымъ испытаніемъ.

— „Какъ же ты отъ нихъ избавился?“—спросилъ Варсонофій.

— „Пришелъ Архангелъ Михаилъ“, отвѣчалъ младенецъ: „и вывелъ меня оттуда“.

Еще о многомъ спрашивалъ младенца Варсонофій, и младенецъ отвѣчалъ ему на всѣ его вопросы, только все это было Варсонофіемъ позабыто. Онъ помнилъ только изъ времени этой бесѣды, что онъ обращался къ окружающей братіи, говоря имъ, чтобы и они предлагали свои вопросы младенцу, такъ какъ онъ на все отвѣчаетъ. Но братія стояла молча, и никто у младенца того ничего не спрашивалъ. Тогда Варсонофій вспомнилъ объ адѣ и спросилъ:

— „А адъ ты видѣлъ? Скажи мнѣ: тяжки въ немъ мученія?“

И показалось Варсонофію, что младенецъ не находитъ словъ, чтобы съ достаточной силой изобразить лютость адскихъ мученій. И въ то же время явилось у ногъ Варсонофія какое-то чудовищное животное, которое безпрестанно на его глазахъ мѣняло свой видъ, поднималось, опускалось, дѣлилось на части и мало по малу исчезло. Что было это за страшное животное, этого Варсонофій опредѣлить не могъ, но ему во снѣ подумалось, глядя на его видоизмѣненія, что въ нихъ заключенъ образъ многоразличныхъ степеней адскихъ мученій. Послѣ этого видѣнія Варсонофій младенца уже болѣе не видалъ, а какъ будто сквозь какую-то отворенную дверь вышелъ къ братіи и рассказывалъ имъ объ ужасахъ ада, какъ самъ о нихъ могъ понять изъ своего видѣнія.

Проснулся Варсонофій въ великомъ страхѣ, и тутъ пришелъ будильщикъ возвѣстить о времени идти служить Литургію.

Иеромонахъ Никонъ былъ приобщенъ Святыхъ Таинъ только за три съ половиною часа до кончины, въ полной памяти, хотя говорилъ тупо и мало, и не совсѣмъ внятно. По вѣрованію же Святой Православной Церкви, умирающій вскорѣ послѣ сподобленія Святыхъ Таинъ не проходитъ мытарствъ. Почему же, спросять боголюбцы, не то было съ Никономъ?

И, дѣйствительно, Преподобные Каллистъ и Игнатій (въ 92 гл. „о безмолвіи“) приводятъ слова Іоанна Златоустаго о нѣкоторомъ чудномъ старцѣ, который сподобился „увидѣти и услышати,

яко имущи отсюда отходити, аще Святыхъ Таинъ причастятся съ чистою совѣстію, егда умрети имуть, доприносяще Ангели, причащенія ради онаго, отсюда возносятся“. Но кто изъ насъ похвалится чистою совѣсть имѣть? Ежели Преподобный Марко Фраческій, котораго Святыхъ Таинъ приобщали Святые Ангели, задержанъ былъ на мытарствахъ цѣлый часъ, то какъ можно сдѣлать рѣшительное заключеніе о тѣхъ, кто въ жизни христіанской менѣе совершенъ этого дивнаго Святаго? Задержанъ же былъ Марко Фраческій, какъ увѣряютъ нѣкоторые прозорливцы, сподобившіеся это видѣть, за то, что возбуждалъ и убѣждалъ душу свою передъ кончиной не бояться приближающагося разлученія ея съ тѣломъ, вспоминая многіе свои труды и многія слезы, и различныя скорби, Бога ради понесенныя. Злые же мытари представляли на мытарствахъ, будто бы Преподобный Марко передъ смертію хвалился строгою и подвижническою своею жизнью, и потому не допускали душу его восходить на небо до тѣхъ поръ, пока Божественный гласъ не повелѣлъ Святымъ Ангеламъ:

— „Принесите Ми сосудъ избранный!“

И это сокровище вѣры было найдено мною въ келейныхъ запискахъ одного изъ Оптинскихъ иноковъ. Достались они ему по наслѣдству духовному преемственно отъ цѣлаго ряда предшественниковъ его монашескаго подвига, изучавшихъ великое дѣло Христовой вѣры „не въ препретельныхъ человѣческаго разума словесахъ, а въ явленіяхъ силы и духа“.

Забыли эту науку изъ наукъ многіе изъ новыхъ богослововъ, и, вожди слѣпые, куда ведутъ они ввѣренное имъ ученическое слѣпое стадо?..

Сергей Нилусъ.

„ВЪ МОНАСТЫРСКОЙ ТРАПЕЗНОЙ“.

„Благословенъ Богъ милуяи и питаей насъ отъ Своихъ богатыхъ даровъ“... закончилъ трапезное дѣйство сѣдовласый іеромонахъ. Братія вереницей потянулись изъ трапезной... Только человѣкъ шесть остались въ ней и окружили двухъ крестьянъ въ „сибирочкахъ“, которые съ благословенія настоятеля обѣдали вмѣстѣ съ прочей братіей.

— „Откуда, честные богомольцы?“—спросилъ маленькій, тщедушный, но живой, человѣкъ въ черномъ подрясникѣ, видимо изъ монастырскаго братіи.

— „Изъ Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи“—отвѣчали почти въ однѣмъ голосѣ мужички.

— „Гдѣ побывали?“

— „Въ Саровской пустыни сподобилъ Господь побывать. Еле, батюшка, доплелись дотуда, а вотъ обратно Богъ и ножки далъ, такъ что мы и прибыли посмотрѣть святыхъ монастырей Вологодскихъ и поклониться преподобнымъ. Говорятъ, въ здѣшней губерніи ихъ много?“

— „Да, много: Богъ освятилъ нашъ край Божьими угодниками“—замѣтилъ старичекъ-монахъ. „А что, по какому случаю ходили въ Саровъ-то? По обѣту или такъ?“

— „Вотъ простуда, батюшко, у обоихъ насъ. Больно тяжело было. Еле ходили, но вотъ наскучило такъ лежать: давай—думаемъ—сходимъ къ преподобному Серафиму: можетъ и доплетемся какъ нибудь. Чай слышно было и здѣсь, что Богъ много милостей подаетъ черезъ него немощнымъ? Вотъ и поплелись. Котомочки надѣли махонькіе, чтобъ легче было идти. Сначала-то насъ подвезли немного, а потомъ ужъ пѣшеходомъ пришлось. Подойдемъ съ версту и отдохнемъ. Черезчуръ ужъ намъ было тяжело. Ну—думаемъ—не дойти!.. Но Богъ помогъ... шагъ за шагомъ—и, наконецъ, доплелись... Вотъ—какъ завидѣли мы монастырь, такъ Богъ знаетъ—что съ нами и случилось. Не только устатокъ прошелъ, но, кажется и болѣзни не стало: до того легко чувствовалось... Словно въ царство небесное зашли мы: такъ насъ поразила красота святой обители. Ну какъ мы сроду не видали такой красоты, то и не знали, что намъ дѣлать: стоять, какъ стояли и смотрѣли, или ужъ идти въ монастырь? Идти-то было боязно. Намъ, простымъ, какъ въ избу своего мужика зайти—ну не стыдно, зайдемъ и безъ стѣсненія, а въ такую красоту, да чистоту — и совѣстно. Долго мы стояли, потомъ, благословясь, пошли... Такъ и замирало сердце: ну вотъ, думаемъ, дошли, а теперь ужъ и умирать можно у такой красоты, словно въ раю. Подходимъ—благовѣсть. Думаемъ—по времени видно вечерня. Ну—слава Богу—сразу и въ церковь!.. Усталость, какъ бы рукой сняло и боли не замѣчались особенно... Раньше всего ломило и руками еле владѣлъ, а тутъ видно все это забылось... Простояли мы это службу. Видно вечерня малая—какъ сказывали послѣ, была. Дѣло-то было на воскресенье. Служили недолго. Мы вотъ—люди темные. Стоимъ часто въ церкви, словно болваны, ничего не понимаемъ—только „Господи помилуй!“ да „Поддай Господи!“ Ну вотъ, какъ тутъ-то мы зашли въ церковь, такъ ужъ право—не знаемъ—въ церкви ли мы были, али на небѣ. Душа такъ и рвалась къ Богу: сроду такой не знавалъ. Слышали пѣніе, что то читали, но ужъ не объ этомъ у насъ усердье было: не пѣніе и чтеніе слушать, да молиться, а само сабой—не по писанному—молилось, такъ отъ души. Все

забылось, забылось, гдѣ и стоимъ. Какъ вотъ вспомню это,—такъ и теперь слезу прошибаетъ, не то, что тогда... Я сроду какой то безчувственный былъ—слезъ поди никто не видалъ у меня, а вотъ тутъ отъ радости заплакалъ, да отъ души замолился, чтобъ преподобный угодникъ далъ мнѣ здоровья, да силъ... Служба кончилась, а между тѣмъ не хотѣлось выходить: тутъ то вотъ я и понялъ, что хорошо же навѣрно на томъ свѣтѣ быть съ Богомъ, а раньше все не понималъ... Послѣ службы мы ушли въ людскую, чтобъ отдохнуть съ дороженьки, закусить да поочиститься. Думали на другой день исповѣдаться, да причаститься, а потомъ ужъ сходить на купальню.

— „Ну, что же, и поговѣли?“

— Да, батюшка, сподобилъ Господь. Ужъ этакого говѣнья у меня вотъ сроду не бывало. Тутъ вся жизнь моя припомнилась, да и что худого было—все какъ на картинѣ нарисовалось. Ужъ больно стыдно было сначала прикладываться къ преподобному. Вотъ, думаю, пришелъ я у преподобнаго просить милости Божьей, а самъ нераскаянный грѣшникъ. Вѣдь къ земному царю поди ходятъ въ хорошей одеждѣ, а тутъ я пришелъ къ такому, который близокъ къ небесному Царю и къ которому на поклоненъе приходилъ даже самъ земной царь. Больно ужъ мнѣ не по себѣ стало: такъ ихватило за сердце. Пришелъ, думаю, я съ грязной душой. Хочу поцѣловать преподобнаго своими грѣшными устами, а самъ словно въ сажѣ замаранъ. Такъ и не посмѣлъ приложиться. Вотъ ужъ какъ отмою свои грѣхи покаяньемъ, такъ тогда приложусь... Самъ Господь очистилъ меня на исповѣди и я съ чистой совѣстью пошелъ къ преподобному съ молитвой, чтобъ онъ выпросилъ мнѣ исцѣленъе. „Какъ ты выпросишь мнѣ здоровья, молился я, такъ я и стану жить по хрістіанскому обычаю. Стану меньше грѣшить, чтобы Господь въ другой разъ не наказалъ меня еще больше“. Какъ вотъ я такъ помолился у преподобнаго, сразу легче стало на душѣ. Прямо сталъ думать, что исцѣлитъ меня Господь... Послѣ причастья мы сходили на купальню и выкупались, вотъ Господь и далъ здоровья. Теперь вотъ ходимъ—пожалуй—совсѣмъ здоровыми. Ломоты уже сколько времени не чувствуемъ ни я, ни мой товарищъ. Дорогу прошли легко, да чѣмъ больше походимъ, тѣмъ легче становится“...

— Да у васъ можетъ отъ свѣжаго воздуха стало легче?“—спросилъ одинъ изъ семинаристовъ, бывшихъ въ монастырѣ какъ бы на послушаніи.

— „Нѣтъ ужъ, голубчикъ, не отъ свѣжаго воздуха. Отчего же дома не выздоровѣли, хоть и часто на свѣжемъ воздухѣ бывали? Да вотъ пока туда шли, почитай каждую версту отдыхали,

а теперь вотъ и двадцать верстъ идемъ безъ устатку. Бывало, какъ придешь на ночлегъ, такъ и заломить всего, а вотъ теперь сразу заснешь и встанешь утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Легко таково! Вотъ у него немножко—говорить—замѣтно еще, но и то пожалуй день отъ дня все легче становится. Сначала вотъ онъ не такъ вѣрилъ, что выздоровѣть, а теперь такъ ничѣмъ не сговоришь, что не поправится“.

— „Да кабы онъ не выздоровѣлъ, такъ пожалуй и мнѣ бы не поправиться“,—со вздохомъ, вставилъ второй мужичекъ.

— „А что?“

— „Вѣдь, говорятъ, выздоравливають по вѣрѣ. А у меня сначала вѣра была слабая. Видишь ли—я простудился давно, ну такъ все и сомнѣвался, что поправлюсь. Вотъ какъ онъ выздоровѣлъ и мнѣ захотѣлось вѣрить, что выздоровѣю, крѣпче сталъ на Бога, да на Его угодника уповать—вотъ съ этого и сталъ поправляться. Слава Ти, Господи!“—осѣнивъ себя широкимъ истовымъ крестомъ, пояснилъ мужичекъ...

— „По вѣрѣ вашей, будетъ вамъ!“—невольнo припомнились тогда слова Спасителя.

Псаломщикъ Клавдій Булыгинъ.

„АННА ГРѢШНАЯ“.

„Анна грѣшная“. Такъ называла себя женщина, появлявшаяся, по временамъ, разъ, или два въ годъ, въ одномъ изъ приходоуѣзъ У.....го уѣзда Вологодской епархіи, гдѣ я въ то время, т. е. 30 лѣтъ назадъ тому былъ священникомъ. Священствовалъ я тамъ съ 1863 по 1887 годъ, держалъ себя къ своей паствѣ такъ близко, что прихожане мои были какъ бы моею семьею. Они шли ко мнѣ со своими нуждами и радостями, дѣлились ими со мною, и почтенныя старички и старушки сначала безъ церемоніи учили меня, какъ надо жить съ ними, какъ пожалуй служить и вести себя среди нихъ, съ кѣмъ надо знакомиться, а съ кѣмъ и не надо. Все это я выслушивалъ отъ нихъ скромно и любовно, вызывая самъ добрыхъ людей на такую добрую бесѣду. Священникомъ поставленъ я, нужно сказать, 21 года, тотчасъ по окончаніи семинарскаго курса въ Вологдѣ. Правда, я былъ сыномъ сельскаго причетника того же уѣзда, но, оторванный отъ семьи и сельской среды съ восьмилѣтняго возраста, могъ-ли я думать, что я знаю народъ, знаю мою паству! И я прежде всего, скромно и любовно вступивъ въ среду ея, какъ пастырь, пожелалъ поучиться у своихъ пасомыхъ жизни съ ними и хозяйству, какъ новый членъ семьи, молодой и неопытный. И учился я охотно и довѣрчиво, оставляя лишь за собою право поощрять казавшееся мнѣ хоро-

шимъ и открыто осуждать худое и порочное. На этой почвѣ и создались между пастыремъ и паствою сначала взаимное довѣріе, а потомъ и та глубокая, живая, духовная связь, называемая любовью, которая не порвалась и нынѣ, хотя внѣшнимъ образомъ я разлученъ съ этой паствою уже болѣе 20-ти лѣтъ.

И вотъ мнѣ стало извѣстно, что въ моемъ приходѣ бываетъ мимоходомъ какая-то странная женщина, называющая себя „Анной грѣшною.“ Одѣтая прилично, просто, но бѣдно, въ возрастѣ около 50-ти лѣтъ, она появляется въ той, или другой деревнѣ, входитъ въ тотъ, или другой домъ, и говоритъ прямо: „я у васъ ночую“, ночуетъ и по утру уходитъ, никогда не поясняя, откуда и куда идетъ. А на вопросъ—кто она? у ней былъ всегда одинъ отвѣтъ: „Анна грѣшная“. Разказывали, что видали нѣкоторые люди, какъ она необычайно сосредоточенно молится то въ лѣсу подъ деревьями, то и на ночлегахъ но непременно гдѣ-либо въ уединеніи. Но въ тоже время было извѣстно, что она захаживала и въ кабаки, если позовутъ ее туда и даже выпьетъ остатокъ водки въ стаканѣ, если только полупьяные собесѣдники, или самъ кабатчикъ ей то предложить. Слыхалъ я даже, будто бы иногда и пѣсни тамъ пѣвала, по настоянію посѣтителей, но никогда не оставалась тамъ долго. Стали съ теченіемъ времени замѣчать, что проходитъ она по той, или другой деревнѣ не всегда равнодушно, то поклонится въ сторону извѣстнаго дома, то броситъ въ него щепкою, то проговоритъ что-то. А я все еще не видалъ этой Анны странной и не обращалъ никакого вниманія на разказы о ней, хотя она и у меня бывала уже въ домѣ, но въ мое отсутствіе. Годы шли. И я уже успѣлъ сдѣлать не мало измѣненій къ лучшему во взаимныхъ отношеніяхъ между приходскимъ духовенствомъ и прихожанами. Задумывалъ и еще устроить какую-то перемѣну, болѣе радикальную, чѣмъ предыдущія, благополучно удававшаяся. Но вдругъ приноситъ мнѣ одна женщина отъ „Анны грѣшной“ поклонъ: „скажи попу, чтобы онъ съ большимъ-то умомъ не надѣлалъ большихъ глупостей!“ Это меня и уязвило и удивило, потому что я никому не говорилъ еще о своей новой затѣѣ, которую и рѣшился оставить, послѣ зрѣлаго размысленія, безъ исполненія. Вслѣдъ за тѣмъ обнаружилась у меня, вслѣдствіе простуды весьма опасная болѣзнь—сильное горловое кровотеченіе. Мѣстные врачи лѣчить меня отказались. Я принужденъ былъ ѣхать въ Москву, да кстати и въ Кіевъ, чтобы тамъ у гробовъ Преподобныхъ и Святыхъ Отцовъ поискать благодатной помощи. И я не ошибся, тамъ и нашель я себѣ помощь, по мѣрѣ вѣры. Но не объ этомъ рѣчь теперь. Лѣчился я 10 лѣтъ и выздоровѣлъ. Но въ первые два года я каждодневно ждалъ себѣ смерти. Малѣйшаго волненія, или со-

трясенія организма было достаточно, чтобы вызвать кровотечение, которое и нужно было остановить немедленно, чтобы не быть истощеннымъ окончательно. Служилъ, молился, лѣчился и смерти ждалъ я самъ, жена, ждали ее и прихожане.

Тяжелое для семьи моей и самого меня было это время. И самые проницательные изъ московскихъ и петербургскихъ врачей-специалистовъ утверждали, что срокъ моей жизни въ деревнѣ то-тъ лѣтъ, а въ городѣ только полгода. Судите по этому, могъ-ли я чувствовать себя жизнерадостно! Но вотъ приходитъ къ намъ „Анна грѣшная“. Мнѣ не сказали объ этомъ. Я уже начиналъ ее не долюбливать за ея странное поведеніе. Угощая ее чайкомъ и хлѣбомъ-солью, моя жена между прочимъ спрашиваетъ не то шутя, не то серьезно: „кажется, скоро умреть мой мужъ“? И Анна, не долго думая, отвѣчаетъ: „умрешь и ты, но ему надо послужить еще протопопомъ у Благовѣщенья“. Такъ назывался обыкновенно въ разговорахъ сосѣдній съ моимъ подгородный Благовѣщенскій приходъ. Когда жена передала мнѣ потомъ этотъ отвѣтъ Анны, я сказалъ: „чепуху городить Анна; слыханое-ли дѣло, чтобы у Благовѣщенья когда-либо были протопопы!—Лучше съ ней не знаться“. И я никогда болѣе не вспоминалъ объ этихъ словахъ Анны. Между тѣмъ время шло, и я, послѣ двухлѣтней строгой діеты, сталъ медленно, но прочно поправляться здоровьемъ. Опять у насъ въ домѣ Анна грѣшная, въ которую какъ праведницу, уже начала вѣрять, вмѣстѣ съ другими людьми, и жена моя.—„Угости-ка меня, матушка, хорошенько,—сегодня я пришла поздравить твоего попа съ буракомъ“?

— „Что такое, Анна?—Съ какимъ буракомъ? Что такое ты говоришь? Скажи пожалуйста!“— „Не торопись, угощай, а потомъ скоро и узнаешь все“, отвѣчала Анна. Напилась чайку, закусила и ушла она, не ночевавъ у насъ. Это было около полудня. Вечеромъ того же дня я получилъ изъ Вологды телеграмму, которою, по порученію тогдашняго о. Ректора Семинаріи Протоіерея Петра Леонтьевича Лосева, умершаго Епископомъ Пермскимъ, и Инспектора Михаила Захаровича Зіорова, и нынѣ здравствующаго Архіепископа Николая, ихъ воспитанникъ, мой покойный сынъ Сергѣй поздравлялъ меня съ Синодальною наградою камиллавкой. „Такъ вотъ съ какимъ буракомъ поздравлять приходила меня удивительная Анна“, подумалъ я и почувствовалъ къ ней уваженіе въ первый разъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Здоровье мое поправилось совершенно.—Десять лѣтъ уже прошло, какъ я заболѣлъ,—и я не умеръ, а поправился, вопреки предсказаніямъ врачей. Въ 1887 году, по постановленію Епархіальнаго Начальства, я переведенъ былъ на настоятельское мѣсто въ соборъ одного изъ городовъ той же Вологодской епархіи и

30 Августа возведенъ въ санъ протоіеря. По прибытіи къ мѣсту новаго служенія, иду въ соборъ, чтобы ознакомиться съ храмами. Представьте же мое удивленіе, когда я всталъ передъ особенно украшенною иконою теплаго соборнаго храма! То была храмовая икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чего я раньше не зналъ. Долго стоялъ я передъ нею въ благоговѣйномъ изумленіи, съ особеннымъ чувствомъ умиленія поклонился передъ нею и тутъ же сообразилъ, что вотъ о чемъ говорила нѣкогда „Анна грѣшная“ моей женѣ, замѣтивъ, что прежде, чѣмъ умереть, мнѣ нужно послужить еще у Благовѣщенія протопопомъ. И вотъ, милостію Божіею, сельскій священникъ, нѣкогда опасно больной, которому земными врачами обѣщана была неизбѣжная и близкая смерть, сдѣланъ я настоятелемъ градскаго собора, нахожусь въ Благовѣщенскомъ храмѣ его, передъ Св. иконою Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, живъ и здоровъ!.. И все—это предсказано было мнѣ человѣкомъ, о которомъ долго и не хорошо я думалъ и говорилъ!.. Дивна дѣла Твои, Господи!

Давно уже нѣтъ въ живыхъ удивительнаго человѣка,—этой рабы Божіей Анны, называвшей себя „грѣшною“. Такъ и не повстрѣчался я съ нею еще ни одного раза въ жизни. Я пренебрегалъ ею, а она... Кто зналъ!.. она быть можетъ горячо молилась въ свое время обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ во дни скорбей и печали, когда всѣ, знающіе меня, думали, что я не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, одна—она вносила лучъ свѣта и надежды въ мою семью.—Царство небесное рабѣ Божіей Аннѣ!

Протоіерей А. П.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ НАШИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ.

Редакція „Церковнаго Слова“ получила отъ одного изъ своихъ добрыхъ, простыхъ сердцемъ читателей слѣдующее письмо:

Прочитавъ въ прекрасномъ вашемъ журналѣ въ 1-мъ номерѣ за минувшій годъ сіи слова: „Пишите намъ: что желали бы вы вычитать въ нашихъ листахъ, пишите о томъ, чѣмъ болитъ, православные, ваше русское сердце“... я пріятно былъ „пораженъ“ (не знаю лучше выразиться), прочитавъ въ 1-мъ №-рѣ журнала Вашего за сей 1908 годъ первую статью, выписку изъ Златоуста о „чтеніи Божественныхъ Писаній“.

Искренно желалось бы вычитывать у Васъ и продолженіе побольше Вашихъ такихъ выписокъ отъ Златоустаго же и отъ всѣхъ другихъ Боговдохновенныхъ источниковъ на эту тему по возможности чаще, хотя коротенько; такъ какъ „чтеніе“ очень важно съ одной стороны, и „лѣньность“ къ нему ужъ очень пагубна, съ другой.

Въ этомъ отношеніи я счелъ бы себя очень счастливымъ, если бы прочелъ въ Вашемъ журналѣ и имѣлъ лично для себя на память напечатанными по этому поводу нижеслѣдующія строки о предметѣ чтенія Писаній, составленныя мною для себя:

О лѣньности къ доброму чтенію.

Нѣтъ въ мірѣ наиболѣе губительной страсти для научивших-

ся читать, какъ одна: лѣдность къ доброму чтенію, предшествуемая скупостію къ покункѣ благодатныхъ книгъ.

Въ этомъ случаѣ лѣдность есть страшный камень преткновенія.

Отсюда начинается духовная бѣднота за то, что полѣнился простереть руки къ обильно окружающему насъ золоту—къ святымъ книгамъ.

Отсюда начинается умственная слѣпота за то, что полѣнился обратить очи свои къ свѣтлосіяющему всюду солнцу—святому Писанію.

Отсюда начинается настоящее безуміе за то, что полѣнился мыслию почерпнуть сколько угодно ума изъ неисчерпаемой сокровищницы премудрости и благодати Божіей—Библии.

Отсюда начинается рабство страстямъ, гибель души и несчастье жизни за то, что въ лѣдности пренебреженъ прекраснѣйшій совѣтъ препод. Антонія Великаго: „Тщательно прилежи чтенію Писанія: это извлечетъ тебя изъ порочной жизни“ (Отечн. § 148)

Отсюда преимущественно зачинаются наклонности къ пьянству, къ табаку, сквернословію, распутству, воровству, и убійствамъ.

Отсюда начало не только рабства нашего грѣху, но и начало рабства иноплеменикамъ, начало потери самостоятельности, начало гибели святой Родины.

Тогда какъ спасеніе отъ всего этого и счастливая жизнь на землѣ и блаженная на небѣ—были, казалось, такъ близки, такъ легки, такъ просты...

Только надо было себя нудить и нудить: возьми... читай!

Прошу напечатать это, если можно. Я пишу пережитое. Мнѣ очень жаль видѣть многихъ братьевъ моихъ и ближнихъ, убивающихъ златое время на чтеніе лѣвой печати, и не понимающихъ, что въ правомъ чтеніи—секретъ счастья, а въ лѣвомъ—секретъ несчастья, ибо сказано: И пойдутъ сии (лѣвые) въ муку вѣчную. (Мѣ. 25, 46.). Чтецы лѣвой печати сами лѣвѣютъ.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ новый подписчикъ Церковнаго Слова. (№ 28-й) Кіево св. Николаевского монастыря іеромонахъ Серапіонъ.

Слава Богу, что еще есть любители духовнаго чтенія, знающіе цѣну ему. Но нельзя вмѣстѣ съ авторомъ не пожалѣть, что мало такихъ! „Лѣвая“ печать рѣшительно заплонила не только города, но и деревни: если есть въ деревнѣ грамотей, то—смотришь—онъ уже читаетъ какую нибудь дрянную газетку изъ іудейскихъ изданій... О книгахъ совсѣмъ забыли! А если и проникнетъ книга въ деревню, то опять же не духовная, не назидательная, а въ родѣ безбожнаго Ренана: да, мужичекъ, деревенскій паренъ уже читаетъ подобную мерзость!.. Не прискорбно ли, не горько ли, не страшно ли это? Православные русскіе люди, обратите на это свое вниманіе! Вѣдь мы на краю пропасти!..

21-го Января 1908 года.